

своим источникам и «не добавляя ничего от себя»), случайность начинания: умирая, хронист Георгий Синкелл просил Феофана продолжить его хронику («Когда же настиг Георгия конец жизни и он не смог довести до предела свою цель... он оставил нам книгу и дал повод дополнить недостающее»).

Самоуничужение, характерная для Средневековья анонимность творчества пронизывает выдвигаемые Феофаном принципы историографии. Эти декларации воплощаются в форме всего последующего повествования: в «Хронографии» авторские ремарки редки, их личностная авторская окрашенность сведена к минимуму, они абстрактны и, как правило, фактологичны, не оценочны, безлики («из сказанного выше», «упомянутый», «как это было сказано ранее»).

Во всей византийской историографии Феофан представляет собой редкий (особенно если сравнивать с западноевропейским летописанием) случай введения погодного принципа повествования: в «Хронографии» указывается год, затем следует перечисление (с описанием) происшедших в этот год событий, сцепление которых носит случайный, за единичными исключениями, характер. В один раздел попадают войны, свержения императоров, землетрясения, появление комет и другие астрономические явления, рождение >род-цев, церковная борьба, засуха, свадьбы, рассказы о появлении льдин в проливе у Константинополя, сновидения, небесные затмения, охоты, притчи об изменчивости человеческой судьбы, строительство дворцов, церквей, монастырей, бань, смерти, посольства, варварские набеги, торжественные молебны, пожары, эпидемии, церковные соборы и догматические споры.

События в описании равнозначны, «Хронография» в целом лишена какой бы то ни было сюжетной структуры и композиции. Если Евсевий, Сократ Схоластик, Созомен, Феодорит и другие ранневизантийские церковные историки, казалось бы, наиболее близкие по духу Феофану, все